УДК 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-124-134

Как сконструировать нацию: этносоциальный менеджмент и академическая наука в проблемном поле государственной национальной политики

Е. А. Ерохина

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализируются документы стратегического планирования в сфере национальной политики постсоветской России. Рассмотрен кейс законодательной инициативы, известной как «закон о российской нации». Делается вывод о том, что рецепция национализма в практике этносоциального менеджмента является результатом заимствования вестернизированных моделей управления этническим многообразием.

Ключевые слова

национальная политика, гражданское общество, академическая наука, этносоциальный менеджмент, управляющее воздействие

Для цитирования

Ерохина Е. А. Как сконструировать нацию: этносоциальный менеджмент и академическая наука в проблемном поле государственной национальной политики // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 124–134. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-124-134

How to build a nation: ethnosocial management and academic science in a problem field of state national policy

E. A. Erokhina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper presents an analysis of strategic planning documents in the field of ethnic politics of post-Soviet Russia. A case study of a legislative initiative known as the “law on the Russian nation” is considered. It is concluded that the reception of nationalism in the practice of ethnosocial management is the result of borrowing Westernized models of ethnic diversity management.

© Ерохина Е. А., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

Keywords

national politics, civil society, academic science, ethnosocial management, governing influence

For citation

Erokhina E. A. How to build a nation: ethnosocial management and academic science in a problem field of state national policy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 124–134. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-124-134

Официальные установки государства в сфере национальной политики представляют собой политико-правовую основу и практический фундамент управляющих этносоциальными процессами в современной России воздействия. Одним из инструментов его реализации является Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г.¹ Документ, утвержденный Указом Президента от 19 декабря 2012 года, упразднил Концепцию государственной национальной политики России от 15 июня 1996 г., подписанную первым Президентом России Б. Н. Ельциным.

Появление Стратегии обозначило окончание первого постсоветского цикла развития российского государства, хронологически охватывающего два периода: 1) федерализации и «парада суверенитетов» 1990-х гг.; 2) централизации и усиления «вертикали власти» 2000-х гг. «Национальный» вопрос был и остается одним из ключевых, если пользоваться метафорой Э. Ренана, в «ежедневном плебисците» россиян по поводу важных вопросов общественной жизни и доверия государству. Как организован процесс принятия решений? Участвует ли общество на «равных» с чиновниками в принятии решений или власть ограничивается «учетом его мнения»? Как соотносится реальное положение дел в данной сфере с менеджеральным видением ответственных за ее регулирование чиновников?

Понятие этносоциального менеджмента введено в научный оборот представителями новосибирской этносоциологической школы в работе «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика». Появление столь необычного научного термина отражает изменение социальных реалий, которые нуждаются в осмыслении учеными и практиками. Одна из этих реалий – сверхцентрализация власти в 2000-е гг., в результате которой полномочия были делегированы на верхние этажи власти, тогда как ответственность оказалась возложена на низовые структуры. Как показали исследования новосибирских этносоциологов, в настоящее время к вопросам местного значения отнесены укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г.» с изм. от 06.12.2018 г. URL: <https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-1666-19122012> (дата обращения 24.06.2019).

и развитие языков и культуры народов России, проживающих на территории поселений, социальная и культурная адаптация мигрантов, профилактика межэтнических конфликтов [Попков и др., 2018. С. 71]. Между тем реальными инструментами, в том числе бюджетными, для реализации этих задач большинство муниципалитетов не располагает. Другое существенное изменение коснулось оценки эффективности государственных и муниципальных служб, а также организаций, имеющих соответствующий статус. Оно проявилось в увлечении количественными показателями оценки их деятельности в ущерб качественным критериям. Данный тренд коснулся как реализации мероприятий в рамках Стратегии государственной национальной политики РФ, так и деятельности учреждений, в том числе научных и образовательных.

Наконец, отдельного упоминания заслуживает работа государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, которая заменила автоматизированной обработкой труд экспертов, участвовавших в этносоциальном мониторинге. Итогом этих изменений стало появление особой, менеджеральной реальности, мало связанной с этносоциальными процессами, и доминирование номенклатурных показателей оценки эффективности деятельности государственных и муниципальных органов, ответственных за реализацию Стратегии.

Данная статья анализирует случай из практики работы Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, который иллюстрирует указанные изменения и сопряженные с ними тенденции: усиление технократизма, игнорирование значения этнической самоорганизации, идеализацию советской национальной политики. Кейс актуализирует одну из ключевых проблем межэтнической интеграции современного российского общества: проблему адекватной номинации политического согражданства россиян. Как следует его именовать: российский народ или российская нация? Этот, казалось бы, сугубо академический вопрос, который дискутируется между сторонниками политической и культурной трактовки нации, имеет важное политико-практическое значение. В настоящей статье будет рассмотрено не столько содержание самой полемики, важной для теоретического осмысления моделей социального регулирования, сколько практика «написания правил», в соответствии с которыми осуществляется этносоциальный менеджмент.

31 октября 2016 г. в Астрахани, где проходило заседание Совета по межнациональным отношениям, посвященного вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г., один из участников, Вячеслав Михайлов, обратился к Президенту РФ В. В. Путину со следующими словами: «в Стратегии была записана, и в Вашей статье (речь идет о предвыборной статье В. В. Путина «Россия – национальный во-

прос» – примеч. авт.) о ней говорилось, что многонациональный народ Российской Федерации – это российская нация. Я предлагаю такой вариант закона – о российской нации и управлении межэтническими отношениями. То есть это стратегическая линия, которая акцентирует внимание закона: о российской нации. У нас есть уже основания и достаточно правовых моментов раскрыть это понятие и перейти в конечном счете к более, кажется, точному наименованию межэтническими отношениями»². Президент эту идею поддержал: «Но что точно совершенно можно и нужно реализовать, прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать, – это закон о российской нации»³.

«Что такое нация»? Историк Эрнст Ренан, автор одноименного доклада, прочитанного в Сорбонне в 1882 г., отвечал на этот вопрос так: нация – это ежедневный плебесцит или, иными словами, договор, контракт, выражающий согласие людей жить вместе⁴. Идея нации неразрывно связана с модерном, а именно со способом легитимации политической власти. В обществах, предшествующих модерну, этот способ может быть охарактеризован как династийно-монархический, находящий свой источник в божественном начале. В обществах современного типа это гражданский способ самоопределения, а единственным легитимным источником политической власти в государстве может быть признан лишь народ – граждане, наделенные равными правами, которые защищает закон.

В настоящее время в академическом дискурсе существует две интерпретации концепта «нация»: первая из них восходит к идеологии Просвещения и связывает нацию с политическими структурами государства, осуществляющего процесс национального строительства без учета этнического многообразия. Примером реализации такой модели являются унитарная Франция и федеративные США, различные по принципам своего государственного устройства. Вторая восходит к идеалам романтизма и связывает нацию с культурой. В рамках второй модели нациестроительство опирается на принцип национального самоопределения. На основе этнического самоопределения в XIX – XX вв. возникли Греция, Германия, Италия, Польша, Чехословакия, Венгрия. В современной Европе такими государствами являются федеративные по своему устройству ФРГ, Австрия, Бельгия и Россия и унитарные Великобритания и Испания, допускающие определенную степень автономности регионов, имеющих этническую специфику. В Великобритании это, например, Уэльс, Шотландия и Сев. Ирландия, в Испании – Каталония, Наварра и Страна Басков.

² Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31 октября 2016 года. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения 24.06.2019).

³ Там же.

⁴ Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (accessed 24.06.2019).

Становление постсоветского федерализма невозможно рассматривать в отрыве от процессов суверенизации. Сегодня суверенизация оценивается как противоречивый процесс, послуживший источником сепаратизма, локальных конфликтов, слабости центральной власти. Однако справедливость требует указать и на позитивные изменения, обусловленные внедрением этой инновации в политическую жизнь России. Автономные области и округа в составе РСФСР, которые добивались повышения своего статуса в рамках нового политико-административного и территориального устройства РФ, достигли своей цели. На волне этнополитического возрождения были сформированы институциональные и общественные структуры, которые взяли на себя миссию сохранения и развития родного языка и родной культуры. Были созданы национально-культурные автономии и национальные общественные объединения, родовые общины, советы старейшин родов конкретных этносов, введены стандарты регионального компонента в общеобразовательную систему субъектов РФ.

Вместе с тем слабость институтов федерализма усиливала центробежные процессы, что требовало, в свою очередь, определенных усилий для приведения их в равновесие с центростремительными. Инструментом, компенсирующим грозящую выходом из-под контроля суверенизацию, стало внедрение в практики управления экстерриториального принципа управления этническим многообразием.

В 1996 г. был утвержден Закон о национально-культурной автономии, закрепивший возможность этнического самоопределения граждан из числа меньшинств, которые получили шанс развивать свою культуру вне территорий своих национально-территориальных либо государственных образований⁵. Тогда же была принята Концепция государственной национальной политики РФ⁶, утвержденная первым Президентом России 15 июня 1996 г. Концепция Б. Н. Ельцина признала итоги суверенизации и обозначила необходимость совершенствования федеративных отношений. Вместе с тем она закрепила ряд существенных инноваций: 1) впервые в документе была обозначена задача укрепления гражданского единства россиян. Тем самым была конституирована реальность новой политической общности россиян как гражданской и надэтнической по своему характеру; 2) впервые было упомянуто о том, что защита чести и достоинства граждан России независимо от этнической принадлежности, борьба с дискриминацией, являются приоритетами государственной политики; 3) этническое многообразие как элемент исторического наследия получило статус культурного капитала.

⁵ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9578> (дата обращения 24.06.2019).

⁶ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Указ Президента России от 15 июня 1996. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051> (дата обращения 24.06.2019).

Для своего времени Концепция носила своевременный и прогрессивный характер. Однако в силу того, что сама суверенизация воспринималась противоречиво, постепенно словосочетание «национальная политика» стало выходить из употребления у управленцев и ученых. В 2000 г. было упразднено Министерство национальной политики РФ. На смену «параду суверенитетов» пришла «вертикаль власти», умами чиновников завладела идея губернизации, хотя вслух обсуждать демонтаж национально-территориальных субъектов РФ никто до сих пор не решился. Администрирование межэтнических отношений было вменено Министерству регионального развития.

Однако в период с 2010 по 2013 г. произошел ряд тревожных событий: убийство футбольного болельщика Егора Свиридова на Манежной площади в декабре 2010, события в Ремонтном, Бирюлеве, Пугачеве, вызвавшие конфликты на этнической почве. Они совпали с окончанием прежнего и началом нового электорального цикла. О том, что данная сфера нуждается в особом внимании государства, говорилось давно. Следует сказать, что этим рекомендациям власть вняла и обсуждение текста Стратегии государственной национальной политики России в 2012 г. стало беспрецедентным по своему масштабу. В этом, а также в открытости и трансдисциплинарности состоявшейся дискуссии ее большой плюс.

Новый документ, Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г., в качестве целевых ориентиров указала следующее:

- 1) укрепление гражданского единства россиян;
- 2) сохранение культурного многообразия, в особенности поддержка коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни;
- 3) защита чести и достоинства граждан России от этнической конфессиональной и иных видов дискриминации;
- 4) адаптация и интеграция мигрантов;
- 5) борьба с экстремизмом.

Критики Стратегии обращают внимание на наличие двойной терминологии – *российский народ / российская нация* – как на недостаток [Попков, Тюгашев, Ерохина, 2015]. В действительности же данное обстоятельство было обусловлено необходимостью поиска компромисса между сторонниками культурной и политической трактовки нации. Отсутствие единства в самом научном сообществе сформировало предпосылки для возникновения двух конкурирующих лагерей, борющихся за влияние в научном сообществе в надежде конвертировать отвоеванный ресурс в политический вес и академическое влияние.

Предложение В. Михайлова вызвало дискуссию по поводу целесообразности инициативы. В информационном пространстве национальных республик стали раздаваться предостерегающие об угрозе этнического сепаратизма голоса: принятие такого закона поставит в конкурентную позицию

общегражданскую идентичность с этнонациональной: татарской, якутской, чеченской и пр.

Необходимо признать, что высказанные опасения имеют веские основания. В СССР гражданская общность «советский народ» сформировалась вне идеологии национализма. Попытка ее намеренного внесения в принципы согражданства россиян противоречит преамбуле Конституции Российской Федерации. Российское общество может столкнуться с фрагментацией его членов, которые, по устоявшейся традиции, связывают национальное с этнокультурным, а гражданское с политическим развитием.

Негативная реакция на перспективу принятия такого закона проявилась и среди представителей доминирующего большинства. Действующий в тот момент глава комитета Государственной думы по культуре и кинорежиссер Станислав Говорухин в эфире канала «Россия 24» так прокомментировал эту инициативу: «Мы много веков были русским народом. И сейчас мы русский народ по факту. Мы были всю жизнь русским народом». Он также заметил, что в Советском Союзе граждане именовали себя советскими людьми. «Сейчас советской власти нет. Кто мы? Я не понимаю»⁷. Не остались в стороне и пользователи глобальной сети: «Надеюсь, закон не определит, что де все, кто имеет паспорта РФ, – русские? Ибо если да, то это бред... Если нет, то зачем нужен такой закон?»⁸. Попробуем ответить на этот вопрос.

Появление данной инициативы находит объяснение в контексте поиска культурных оснований, которые могли бы послужить основой союза между российским обществом, испытывающим дефицит общих ценностей, и властью, которая в 2010-х гг. начала испытывать дефицит доверия. «Духовные скрепы» – выражение, широко распространенное в публичной риторике и ставшее объектом иронии для несистемной оппозиции, вошло в широкий оборот в начале 2010-х гг., когда была принята Стратегия государственной национальной политики. Его происхождение, так же как и внедрение в политический дискурс концепта «глубинного народа», связано с деятельностью экспертной группы публичных интеллектуалов, близких к Администрации Президента РФ⁹. Можно лишь предположить, что кому-то из представителей власти или близких к ней элитных кругов данная инициатива по формированию патриотических настроений методом внедрения национальной идеи «сверху» в условиях кризиса показалась своевременной и актуальной.

⁷ Говорухин назвал «отвратительным» слово «россиянин». РБК, 17 ноября 2016 года. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/582d7b2a9a79474d2f34c7bb> (дата обращения 24.06.2019).

⁸ Путин призвал разработать закон о российской нации. Всем ли понравится? URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/st/0/topic1481522.html> (дата обращения 24.06.2019).

⁹ Путин: национальная идея в России – это патриотизм. 03.02.2016. URL: <https://ria.ru/20160203/1369184806.html> (дата обращения 24.06.2019); Владислав Сурков: Долгое государство Путина. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 24.06.2019).

К 2016 г. падение уровня материального достатка и социального благополучия россиян, рост централизации власти – процессов, приводящих к ограничению доступа граждан к политическому участию и сужению каналов социальной мобильности, отчетливо обозначили вступление в новую фазу экономического и политического кризиса. Всякий социальный кризис в России сопряжен с этническим обособлением, фрагментацией, сегментацией. При существующих тенденциях весьма соблазнительной выглядит идея проводить политику искусственной интеграции с опорой на доминирующее русское большинство, которое весь постсоветский период чувствовало себя ущемленным национализмом элит постсоветских республик. Однако недоминантные этнические группы в России, хоть они и составляют меньшинство, также весьма активны и чувствительны к своему статусу, особенно титульные этносы в национальных республиках. Их элитами внедрение в дискурс понятия «российская нация» воспринимается не иначе как попытка упразднить национально-государственный статус их собственной этничности. Не приведет ли новая искусственная попытка интеграции «сверху» к противоположному результату, если внедрение термина «российская нация» воспримется как посягательство на идею татарской, якутской, осетинской, башкирской и даже русской наций?

Кроме того, и в Конституции РФ, и в обыденном словоупотреблении существительное «нация» накрепко связано с этническим контекстом. При этом прилагательное «национальный» как синоним «государственного» также прочно закрепилось в общественном сознании и ни у кого не вызывает возражений. Насколько целесообразно искусственное внедрение речевых практик, подобных упомянутому, тем более в федеральном законе? Например, в академическом дискурсе понятия «межэтнические отношения» и «межнациональные отношения» употребляются как синонимичные. Для исследователей и людей, далеких от академической науки, это понятно. Зачем умножать сущности без необходимости? Зачем необходимо академический термин нагружать идеологическим содержанием?

Сложность в интерпретации термина «нация» заключена в односторонней его интерпретации либо как этнического, либо как политического феномена. Представляется, что в определении нации нельзя все свести к одной из этих составляющих. В политических концепциях либерализма нация является результатом общественного договора. В этом смысле термин «нация» как сугубо академический, обозначающий согражданство, вполне уместен в научном дискурсе. Нация – это договор, контракт, которым общество созидает один из своих институтов, государство. Нация как согражданство в обществе модерна является единственным источником легитимации политической власти. Однако нужно ли академический термин обязательно делать идеологическим? Существующие номинации «россияне» «народ

России», «российский народ» как выражения этого контракта вполне корректны.

В СССР нациестроительство было осуществлено на этнической основе. В 1920–1930 гг. было проведено территориальное размежевание между союзными республиками и автономиями в составе СССР, проводилась политика позитивной дискриминации русского населения. Благодаря этому были ликвидированы сословные и конфессиональные барьеры, которые конституировали этнические различия и способствовали сохранению этнического неравенства. Национальная политика в СССР имела много противоречий, не была лишена недостатков, однако нельзя отрицать, что ее достоинством было создание сложной системы, обеспечивающей этнический паритет во власти и сфере развития культуры. В результате ее реализации искусственной ассимиляции не был подвержен ни один народ, многие народы получили письменность и литературу, осуществили переход в индустриальную эпоху с соответствующей ей сложной социально-профессиональной структурой. При этом впервые была сформирована гражданская общность «советский народ» с соответствующей идентичностью.

Исходным пунктом аргументации сторонников идеи российской нации является тезис о необходимости деонтологизации этничности. Они полагают, что этнические чувства, включая этническую идентичность и солидарность, являются результатом рационального выбора индивида. Этничность, по их мнению, представляет собой репертуарную роль, сознательно и заинтересованно рассчитанную индивидом и группой, конструируется в интересах достижения целей так называемых этнических предпринимателей. Именно они, а также этнические элиты ответственны за постсоветскую дезинтеграцию, их усилиями переписывается история. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения является Валерий Александрович Тишков, научный руководитель Института этнологии РАН [1998].

Позиция Тишкова, автора концепции этнической процессуальности, и его сторонников имеет определенные основания в феноменах гибкости и многосоставности этнической идентичности. Однако следует отметить, что ее пластичность не является безграничной, так же как и репертуар этнических ролей, доступных для одного человека. Стоит ли многого ждать от «пересборки» идентификационной матрицы россиян «сверху»? Да и возможна ли она?

Можно лишь констатировать, что попытка внедрить в общественное сознание некий искусственный конструкт, отвечающий менеджеральным представлениям о «национальной идее», совпадает с этими ожиданиями. Нарастание индивидуализма и отчуждения в обществе побудило российскую власть обратиться к концептам нации и национализма, которые в европейской культуре Нового времени сыграли роль «социального клея», собирающего в единое общество атомизированных индивидов индустри-

альной и постиндустриальной эпох. Национализм делает социальную дистанцию между олигархами и неимущими иллюзорной. Он дарит государству в эпоху «восстания масс» идею, возвышающую общество потребления до экзистенциального горизонта, соотносимого по силе с тем, что давали религии средневековому социуму.

Российская власть имеет традицию опоры на западный опыт государственного управления еще со времен Петра I. Не всегда этот опыт успешно прививался на российской почве, имеющей определенные цивилизационные особенности. Однако всякий раз на новом витке трансформаций, которые проходили в форме виде и революций, ориентация на западный опыт оставалась доминирующей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что идея гражданского национализма показалась привлекательной по мере утверждения неолиберальной модели управления, основанной на вере в технократизм и ценность менеджериального подхода. Хотя связь между национализмом и неолиберализмом не кажется очевидной на первый взгляд, в реалиях России периода институциональных реформ любой наблюдательный исследователь заметит влияние вестернизации на социальные изменения. В этой логике рецепция национализма в практики этносоциального менеджмента предстает как итог заимствования.

Однако национализм, как показала история двух мировых войн, является обоюдоострым оружием. В Европе его крайности нивелируются идеей общеевропейской интеграции. Тем не менее и она дала сбой в результате миграционного кризиса. В России же гражданская идентичность еще очень молода, как молодо и само государство.

Позитивная консолидация граждан вокруг общих ценностей возможна лишь тогда, когда реальная политика отвечает их запросам и ожиданиям, а не диссонирует с ними [Попков, Скалабан, Тюгашев, 2018. С. 346]. Ее реальность будет увеличиваться по мере того, как формы общественного участия в принятии важных для всех решений приобретут институциональные формы и соответствующие требованиям современного общества правовые механизмы [Ерохина, 2016. С. 185]. По мере развития институтов общественной экспертизы и превращения академического дискурса в трансдисциплинарный, «ежедневный плебисцит» имеет все шансы стать практикой «малых дел», из которых кристаллизуются политические ценности, объединяющие россиян.

Список литературы / References

Ерохина Е. А. Концептуальные основания и принципы регионального моделирования этнонациональной политики в современной Рос-

сии // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 174–187.
Erokhina E. A. Kontseptualnye osnovaniya i printsipy regionalnogo modelirovaniya etnonatsional'noi politiki v sovremennoi Rossii [Conceptual Foundations and Principles of Regional Modeling of Ethno-National Policy in Modern Russia]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 174–187. (in Russ.)

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А. и др. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

Popkov Yu. V., Tyugashev E. A., Erokhina E. A. and others. Etnosotsialnye protsessy i etnonatsionalnaya politika v regionah Sibiri [Ethno-Social Processes and Ethno-National Policy in the Regions of Siberia]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2015. (in Russ.)

Попков Ю. В., Скалабан И. А., Тюгашев Е. А. и др. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.

Popkov Yu. V., Skalaban I. A., Tyugashev E. A. and others. Sotsiokul'turnyi monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika [Sociocultural Monitoring of the Urban Interethnic Community: Methodology and Practice]. Novosibirsk, NGTU Publ., 2018. (in Russ.)

Тишков В. А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

Tishkov V. A. Zabyt' o natsii (Postnatsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma) [Forgetting the Nation (Post-nationalist Understanding of Nationalism)]. *Questions of Philosophy*, 1998, no. 9, p. 3–26. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Elena A. Erokhina, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

leroh@mail.ru